

Секция «Востоковедение, африканистика»

Концептуализация насилия в творчестве современного китайского писателя Юй Хуа (1960–)

Дрейзис Юлия Александровна

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт
стран Азии и Африки, Москва, Россия*

E-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Обратившись к творчеству современного писателя Юй Хуа, читатель неизбежно окажется в плену его идиосинкразического, провокационного видения, находящегося в русле общих тенденций как западной теоретической мысли, так и китайской авангардной прозы. По общему мнению критиков, писатель одержим изображением жестокости: его стиль с самого начала характеризуется «экстремальным зримым насилием» (Wedell-Wedellsborg 1996, с. 137) [2].

Действительно, насилие – один из центральных концептов творчества Юй Хуа (Zhao 1991, с. 418) [3]. Уже рассказ «Выходя на дорогу в восемнадцать» (*Шуба суй чумэнь юаньсин* 十八岁出门远行, 1987), принесший писателю первую славу, не лишён изображения жестокости. В нём насилие навязывает герою представление о том, что в отношениях между ним и миром царит удручающий разлад. Юноша вынужден противостоять мощи грубой силы, утверждая свою субъективность вопреки опредмечивающей власти насилия. «Катастрофа», свидетелем которой становится герой, предстаёт актом абсолютной жестокости, лишённым какой-либо сознательной артикуляции. Когда коммуникация грубо разрушается отсутствием смысла, насилие редуцирует субъект до его телесной оболочки, превращает человека в вещь. Будучи опредмеченным, он вынужден отстраниться от происходящего и наблюдать за тем, что происходит, особым, «опредмечивающим взглядом» (Tang 2000, с. 207) [1]. Насилие и катастрофа обретают особую значимость, поскольку они раскрывают хаотическую реальность, которая подавляется нашим каждодневным упорядоченным существованием.

Как отмечают китайские критики, «устройство мира насилия Юй Хуа в первую очередь реализуется за счет скрупулёзного изображения процесса расчленения тела» (Син Цзяньчан

Лу Вэньжун 2000, с. 49) [4]. Одна из самых ранних работ, шокировавшая читателей откровенными описаниями – повесть «1986 год» (*1986 нянь* 1986年, 1987). В ней покой города внезапно нарушается появлением на его улицах сумасшедшего, которому доставляет изощрённое удовольствие истязать себя жестоким образом на глазах у горожан. Повествование, чередующее галлюцинацию и реальность, структурировано вокруг серии наказаний, представляющих травматическое воспоминание героя о «культурной революции».

Однако наказания не только указывают на злодеяния времен «культурной революции», но и отсылают к ужасам более отдалённого прошлого. Несмотря на явно обличительный посыл повести, изображающей связь между человеческой жестокостью и цивилизацией как данность, повествование о возвращении потаённого обнажает иной источник насилия – репрессивную власть упорядоченного повседневно. Извращение умалишённого

выглядит как узурпация монополии государства на легитимное использование физической силы по отношению к индивиду. Здесь мы сталкиваемся с тем фактом, что в произведениях Юй Хуа насилие, как правило, представлено в двух ипостасях: как иррациональное, беспощадное проявление инстинкта и как канализированное насилие со стороны власти, своего рода плата за плоды цивилизации (пусть и переосмысленное в рассказе «1986 год» как саморазрушительная тяга психически ненормального человека).

Последнее мы можем наблюдать, например, в «Ошибке у реки» (*Хэбянь дэ цоу* 河边的错误, 1987), где обвинённого в убийстве деревенского дурачка в целях «излечения» подвергают обработке при помощи электрического тока, причиняя ему тем самым невыносимые страдания. В этом же рассказе главный герой, полицейский, преданный своему делу, постепенно утрачивает контроль за расследованием – в конце концов как носитель власти он сам расправляется с подозреваемым, проводя в жизнь логику насилия.

В сравнении с рассказами и повестями Юй Хуа насилие в его романах не только выглядит сильно уменьшенным в объёме, лишённым прежней дискурсивной значимости, но и сменившим свои функциональные задачи. Оно переходит с тематического и дискурсивного уровней на уровень формальный. Внимательное прочтение романов Юй Хуа демонстрирует, что насилие работает в них в основном как повествовательный и эстетический принцип. Насильственный характер повествования у Юй Хуа проявляется как в поразительной неожиданности хода событий, так и в почти невыносимом ощущении психоэмоционального стресса, которое подобная неожиданность порождает у читателя.

Насильственный характер повествования и эстетики Юй Хуа на самом деле суть мимесис насильственной природы человеческого опыта, переживаемого персонажами. Это справедливо и в отношении последнего романа Юй Хуа «Братья» (*Сюнди* 兄弟, 2005), где гротеск доведён едва не до логического предела. Юй Хуа демонстрирует, с одной стороны, как народ годами подвергается насилию со стороны государства (в форме принудительных самоубийств, публичной порки, доносов и т.п.), а с другой – как легко в соответствующих обстоятельствах «раскрывается» тяга к насилию в обывателях. Повествование движется по дуге, где насилие в обществе возрастает от мелких издевательств над мальчиками к убийству, которое лишает уязвимое семейство главных героев их счастья.

Ужасающее насилие «культурной революции» изображается как иррациональный взрыв массового бандитизма, превращение неидеальных, но, в общем, не совершенно испорченных обывателей в насильников и убийц. Рано пробудившееся сексуальное желание главного героя становится символом массового насилия, и «культурная революция» превращается в мощный выплеск энергии материально-телесного низа. По контрасту с ранней повестью «1986 год», где насилие «культурной революции» подавалось как реализация вневременного права на легитимное использование физической силы по отношению к индивиду со стороны государства, в «Братьях» оно же осмысливается как надвременная, универсальная тяга к агрессии и остракизму, сравнимая с инстинктивной тягой к размножению.

Таким образом, насилие в художественном мире Юй Хуа оказывается представленным в нескольких ипостасях. Во-первых, как инстинкт, подавляемый сознанием совре-

менного человека, который лишь ждёт подходящего момента, чтобы заявить о себе; во-вторых, как травматический опыт, как переживаемая героями катастрофа. Третий момент связан с концептуализацией насилия как прерогативы власти и цивилизации: насилие оказывается тесно слито с культурным и властным авторитетом – отсюда и образы деспотических, жестоких старших, находящих удовольствие в издевательствах над молодым поколением. Наконец, само повествование у Юй Хуа суть предметно-изобразительное насилие, которое соотносит создание нарратива с осуществлением насильственного воздействия.

Литература

1. Tang, Xiaobing, 2000, Chinese Modern. The Heroic and the Quotidian, Duke University Press, Durham & London.
2. Wedell-Wedellsborg, A 1996, 'One Kind of Chinese Reality: Reading Yu Hua', Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews, vol. 18, pp. 129-143.
3. Zhao, H Y. H. 1991, 'Yu Hua: Fiction as Subversion', World Literature Today, vol. 3, no. 65, pp. 415-420.
4. Синь Цзяньчан & Лу Вэньчжун, 2000, Сяньфэн ланчао чжун дэ Юй Хуа, Хуася чубаньшэ, Бэйцзин. 邢建昌 & 鲁文忠., 2000, 先锋浪潮中的余华., 华夏出版社., 北京.